

ЛАУРА СИТАРЕЛЬЯ О ФИЛЬМЕ
«ДАМА С СОБАКАМИ»

ЭСТЕР АМУРАМИ О ФИЛЬМЕ
«ГДЕ-ТО ТАМ»

ТИММ КРЁГЕР О ФИЛЬМЕ
«ЦАРСТВО ПТИЦ»

РЕПОРТАЖ О КОНФЕРЕНЦИИ
«МОДЕРНИЗМ ПОСЛЕ
ТАРКОВСКОГО»

КОЛОНКА КРИТИКА:
ВАСИЛИЙ КОРЕЦКИЙ
О ФИЛЬМЕ ЗАКРЫТИЯ
«ИДА»

16+

ТАРКОВСКИЙ

#5

ГАЗЕТА IX МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ ИМ. АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО «ЗЕРКАЛО»

13 июня 2015

Вера Полозкова

ГЛАВНОЕ

ВЕРА И НАДЕЖДЫ

В ЭТОТ ВЕЧЕР В ПЛЁС ПРИЕХАЛИ ЛЮБИТЕЛИ ПОЭЗИИ ИЗО ВСЕХ СОСЕДНИХ ГОРОДОВ — ТАКОЙ ИНТЕРЕС К ПОЭЗИИ НЕЧАСТО СЛУЧАЕТСЯ И В СТОЛИЦЕ.

Как написал об одном из трех поэтических вечеров, организованных Верой Полозковой на фестивале, ивановский сайт *37.ru*: «Зал „Левитан-холла“ был переполнен слушателями. Трогающая даже самые тонкие струны души, поэзия Веры не оставляет равнодушными как женщин, так и мужчин, как впечатлительных девушек, так и тех, кто уже заботится о внуках». Действительно, публика была самая разная. Веру это каждый раз поражает: «Поэтической программе всего второй год, на самом деле, это все еще большой эксперимент. Публика разная и удивительная: плёсские и ивановские внимательные бабушки, печальные московские кинематографисты, актеры, студенты, филологические девы — в самых непредсказуемых сочетаниях. Но, думаю, большому числу людей в зале не сказала бы ничего ни мое, ни любое другое имя в современной поэзии: очень часто люди приходят просто потому, что „обещали стихи“».

Но совсем другой, главный вечер случился в предпоследний день фестиваля под маркой *POLOZKOVA UNPLUGGED*. Людей было много, раза в два больше, чем кресел в большом зале «Левитан-холла». По какой-то причине начало все откладывалось. Генеральный продюсер фестиваля Алексей Боков заполнил

СТИХИ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ — ЭТО ПОЭЗИЯ ГОРОДСКОГО ЖИТЕЛЯ

затянувшуюся паузу, рассказав о том, как четыре года назад у них совместно с Верой появилась мысль расширить кинофестиваль поэтическими мероприятиями:

«Поскольку Андрей Арсеньевич использовал поэзию в своем кинематографе, у нас возникла идея показать людям, насколько поэзия важна для кино». Вера взялась курировать это направление и назвала программу по названию своего сборника: «Короткий метр».

Вера рассказывает: «Программу „Короткий метр“ мы придумали ровно потому, что Тарковский во многом „привел“ поэтический язык и образность в современное кино: он был сыном поэта, стихами Арсения Тарковского исполнено „Зеркало“, он учился на курсе со Шпаликовым и Китайским, дружил с огромным числом поэтов в 60-е. Мы поняли, что если мы говорим о современном киноконтексте, заданном Тарковским, то не можем обойтись без стихов, пишущихся

с нами в одно время. Мы с Алексеем сразу договорились, что я буду приглашать молодых авторов, даровитых, ищущих, со всей страны; таких примерно, какими были однокурсники Тарковского по ВГИКу, среди которых, как известно, каждый второй писал стихи. Мне не хотелось идти очевидным путем и звать давно признанных и именитых авторов, мне хотелось познакомить публику со своими ровесниками, кем я восхищаюсь и к кому ревную».

Формат выступления — *POLOZKOVA UNPLUGGED*, как называют обычно акустические концерты без использования усилителей и электрических инструментов.

«Невероятно приятно видеть сегодня такой зал», — говорит Вера. Стихи сопровождает фортепианная музыка. Обычно поэзии она вредит, отвлекает, но сейчас сопровождение в самый раз. Стихи Веры Полозковой — это поэзия городского жителя, здесь, в Плесе, она звучит как-то по-особенному: «Загадала, когда вырасту, стать никем, / камер видеонаблюдения двойником», — это очень точно пойманное мироощущение анонимного жителя мегаполиса. «Сутулые, в темноте / еще посидим вдвоем / признаем, что мы не те, / за кого себя выдаем», — похоже, это о внутреннем конфликте современного человека, который все время проводит в социуме. «Покупаю всё, о чем раньше боялся грезить, ощущая злорадство, но не восторг», — а это, может быть, отражение успеха автора, славы, свалившейся на него. И вот еще: «Когда приведут в кабинет с портретом, предложат кресло — разворачивайся, беги». Судя по всему, это действительно может случиться: поэзия Веры очень популярна.

В этот вечер в Плесе выступили поэты, которых Вера пригласила в программу, — Анна Русс (Казань) и Владимир Беляев (Царское Село): «Это люди, обладающие совершенно уникальной интонацией; я бы сказала, что в их текстах, при всем разнообразии техник и инструментов, столько сердца, глубины и искренности, что они не могут не повлиять на слушателя. Так и вышло». Кроме того, стихи читали снимавшаяся у Балабанова актриса Динара Друкарова и член жюри конкурсной программы фестиваля «Зеркало», а в обычной жизни — живущий в Чикаго поэт, один из основателей метареализма Ильи Кутика. ■

ФИЛЬМ ЗАКРЫТИЯ

ФЕСТИВАЛЯ

«ЗЕРКАЛО» —

«ИДА» ПАВЛА

ПАВЛИКОВСКОГО,

ПОБЕДИВШАЯ

НА «ОСКАРЕ».

ЕЕ ПОКАЖУТ ПОСЛЕ

ТОРЖЕСТВЕННОЙ

ЦЕРЕМОНИИ

ЗАКРЫТИЯ

В ИВАНОВСКОМ

МУЗЫКАЛЬНОМ

ТЕАТРЕ

ПЕРШИНЪ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР

Елена Костылева

ДАМА-СОБАКА

АВТОР ФИЛЬМА «ДАМА С СОБАКАМИ» АРГЕНТИНКА ЛАУРА СИТАРЕЛЬЯ РАССКАЗАЛА ДЕНИСУ РУЗАЕВУ О ТОМ, КАКОВО ЭТО — БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ, ДА ЕЩЕ И НЕЗАВИСИМЫМ РЕЖИССЕРОМ

— Сюжет вашего фильма не назовешь обыкновенным. Как он появился?

— Вероника, которая играет главную героиню, действительно живет с этими собаками на окраине Буэнос-Айреса. Но это не фильм о ее жизни: она известная актриса и живет совсем не так, как героиня. Я хотела поработать с ней и стала размышлять, какого персонажа для нее придумать. Она сказала, что почему бы не сняться вместе со своими собаками. Мы стали думать над этой идеей.

— Структура фильма кажется во многом импровизированной, это сознательно?

— Она рассказала об идее идею своему брату Мариано, он работает со мной

в кинокомпании *El Pampero Cine*. Он предложил то, что стало главной идеей сюжета. Потом они позвонили мне — Мариано не хотел снимать сам, это не его история. Мы стали работать с Вероникой — медленно, в свободное время, не как обычно бывает в киноиндустрии. Но это не было импровизацией. Конечно, что-то происходило случайно, как всегда бывает, и тогда мы старались использовать этот материал, а не переснимать.

— Мне показалось, что фильм показывает состояние женщины сегодня — абсолютная свобода и в то же время одиночество. Вы снимали о том, что значит быть женщиной?

— Не знаю. Героиня — сильная женщина, которая живет не так,

как ожидает общество. У нее очень сложные отношения с природой, но она может справиться с этим. Она может бороться за ту жизнь, которую выбрала. Мне кажется, здесь важна свобода и тайна мира, тайна людей, живущих в этом мире. Поэтому мы решили, что зритель ни разу за фильм не услышит ее голоса. Если бы мы его слышали, то мы бы узнали о ней слишком много. Нам было важно подчеркнуть, что персонажа сложно понять полностью. Мы хотели сохранить эту таинственность. Мы можем понять, как она выстраивает свою жизнь, но не можем понять ее психологию. В отличие от того, как обычно бывает в кино, в конце фильма мы знаем о героине не больше, чем в начале. Это была одна из наших главных целей.

ЭТО МЕСТО — ТАКОЙ ДИКИЙ ЗАПАД: ТАМ ОПАСНО, ЗАКОНЫ НЕ ДЕЙСТВУЮТ

— И само место действия выглядит загадочно — это не похоже ни на город, ни на деревню, напоминает город-призрак. Как вы нашли это место?

— Это место, где живет сама Вероника, поэтому многие думают, что это фильм

о ней самой. Это окраина Буэнос-Айреса, но город мог бы быть любым. Это место — такой Дикий Запад: там опасно, законы не действуют. Это место между деревней и городом, между цивилизацией и беззаконием. Это загадочное место, оно ускользает от понимания. Мне кажется, что фильм — о границах. Границах города, границах человеческого. Поэтому мы решили делать фильм в этом месте, которое стало главным героем и даже, можно сказать, сценаристом, поскольку вдохновило нас на многие идеи.

— Каково быть независимым режиссером в Аргентине? Я читал, что у вас есть даже манифест.

— Мы написали манифест, хотя он не очень серьезный. Отец Мариано — известный аргентинский писатель, и он сам хорошо пишет, так что он его и написал, а придумали мы все вместе. Мы работаем независимо. Вероника снимается в мейнстриме и на телевидении, но начинала так же. *El Pampero Cine* — это четыре человека, и мы решили снимать кино так, потому что только так можно найти творческую свободу. Если работаешь с государственным финансированием, необходимо проходить множество инстанций, и все требуют что-то

поменять в сценарии, и длится это бесконечно: прежде, чем ты начнешь съемки, пройдет года два. С частными деньгами все быстрее, но у режиссера гораздо меньше прав. Мы чувствуем себя как будто вне закона. «Даму с собаками» мы снимали три года и не могли бы, конечно, платить съемочной группе. Мы смогли сделать фильм только потому, что сами могли распоряжаться своим временем, не согласовывая все с продюсерами или фондами.

В ОТЛИЧИЕ ОТ ТОГО, КАК ОБЫЧНО БЫВАЕТ В КИНО, В КОНЦЕ ФИЛЬМА МЫ ЗНАЕМ О ГЕРОИНЕ НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ В НАЧАЛЕ

Мне нравится так работать. В прошлом году, например, мы снимали фильм Мариано на Трансмонгольской железной дороге — проехали от Москвы до Улан-Батора. Если бы это было обычное производство, нам пришлось бы взять с собой группу из десяти человек, а так мы поехали втроем. Когда ты независим, все становится проще. ■

Интервью: Денис Рузаев

КАНАЛ «ДОМАШНИЙ»

ЭСТЕР АМУРАМИ СНЯЛА ФИЛЬМ «ГДЕ-ТО ТАМ» — О ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ, БУДУЧИ ИЗРАИЛЬЯНКОЙ, ПЕРЕЕЗЖАЕТ В БЕРЛИН, А ЗАТЕМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА РОДИНУ — НО НИГДЕ НЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ДОМА.

— Как и ваша героиня, вы — израильтянка, живущая в Берлине. Насколько автобиографичен «Где-то там»?

— Хорошо, что вы спросили! Обстоятельства вымышлены — но сам опыт оторванности от корней, неприкаянности, поиска своего места на земле, безусловно, мой. Так что сюжет придуман, но чувство тоски по дому автобиографично. И надо заметить, что фильм еще и получился о различиях в понимании того, что такое родина, между героиней-израильтянкой и персонажами-немцами — родина в израильском понимании и немецкое *Heimat* схожи, но не абсолютно идентичны по смыслу.

— Да, мотив непереводаемости некоторых слов как в иврите, так и в немецком, трудностей перевода, очень важен для картины.

— Вы знаете, что в английском языке для таких слов есть термин — *voids*, лакуны непонимания, и я думаю, для Ноа, главной героини, это слово ключевое. Она ощущает такую лакуну внутри себя — и жаждет ее заполнить. Работая над фильмом, мы часто задавались вопросом, что появляется раньше — слово или чувство. Может ли быть так, что сначала появляется чувство, а потом ты ищешь слово для его правильного описания? Или все наоборот? Это очень интересно, и опять же, идеально подходит

для нашей главной темы стремления к обретению места, которое можно назвать домом.

— Вы намекаете в фильме, что этот поиск часто не имеет никакого отношения к географии.

— Конечно. Я в Берлине десять лет и могу заверить, что жить в чужой стране — тяжело. Но жить в принципе нелегко, не правда ли? Неважно, где. У всех персонажей «Где-то там» собственный жизненный багаж — и все они либо всюду его за собой носят, либо пытаются где-то его сбросить. Я же испытываю симпатию к каждому из них и могу понять все их причуды, страхи, все то, что делает их уникальными. И стараюсь не судить их, потому что несмотря на все моральные или политические проблемы, они стремятся так или иначе найти примирение с самими собой. А это достаточно тяжело для кого угодно.

— Что вы вкладываете в понятие дома? Судя по фильму, вы не стесняетесь и обыгрываете клише, которые с ним связаны.

— Дом это место, где ты перестаешь закрываться, защищаться от мира. И конечно, с понятием дома связаны десятки, если не сотни странных, часто

абсурдных клише — мне хотелось их обыграть. Знаете, как говорят, что лучшая еда — домашняя? Или что никто не создает уют так, как еврейская мама? Или что немцы холодны и педантичны? Мои персонажи часто поддаются этим шаблонным мыслям, верят в них — и мне хотелось, конечно, столкнуть их с реальностью, сломать эти клише. Никому из героев в итоге не удается остаться внутри этого шаблона — немецкий парень открывается в сцене на пляже с братом, мать тоже не остается прежней. Все так или иначе меняются за время фильма, что-то важное про себя понимают.

Я ГОТОВА ПОДПИСАТЬСЯ ПОД СЛОВАМИ ОДНОГО ИЗ ПЕРСОНАЖЕЙ: «НАЦИОНАЛИЗМ — ЭТО ГЛУПОСТЬ»

— Тема национализма, этнических стереотипов в «Где-то там» раскрывается в очень сатирическом виде — при том, что вы не скрываете ее болезненности.

— Я готова подписаться под словами одного из персонажей: «Национализм — это глупость». Я искренне так считаю, по-моему, все

стереотипы о национальностях смехотворны. Кому, как не нам, экспатам, знать, что эти вредные, глупые представления о национальных различиях не имеют отношения к реальности? Это инструменты разделения нас с вами — которые утверждают, что только пересечешь границу, как столкнешься с людьми, на тебя не похожими. Но стоит действительно уехать из родной страны, как понимаешь, насколько это всё неправда. И я убеждена, что кино должно обсуждать эти вопросы, ведь они касаются каждого из нас. Для меня, например, очень болезненно то, что в Германии сейчас поднимается волна исламофобии. Мне это очень больно. Я убеждена, что столкновения разных культур, их сосуществование, — то, что необходимо нашему обществу, чтобы развиваться. Иначе культура стагнирует, перестает прогрессировать. История учит нас, что разные культурные традиции всегда будут пересекаться — и всегда этому процессу противостоит реакция национализма. Но история также показывает, что национализм всегда уступает, остается в прошлом. ■

Интервью: Денис Рузаев

СЕРДЦЕ ВДРЕБЕЗГИ

ПОСЛЕДНИЙ ФИЛЬМ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «ЦАРСТВО ПТИЦ» — О СТРАННОМ СЛУЧАЕ НЕМЕЦКОГО КОМПОЗИТОРА ОТТО ШИФМАНА. РЕЖИССЕР ТИММ КРЕГЕР ОТВЕТИЛ НА ВОПРОСЫ ГАЗЕТЫ «ТАРКОВСКИЙ».

— С чего начался замысел этого фильма? Вы оттачивались от реальной истории?

— Все началось с названия, которое пришло мне в голову однажды в новогоднюю ночь. По-немецки фильм озаглавлен иначе — *Zerrumpelt Herz*: дословно это означает примерно «Сердце вдребезги», но точно перевести название на другие языки невозможно. В нем есть нечто загадочное и меланхолическое, но в то же время отстраненное, как будто ироническое. Это сочетание пафоса и легкого юмора. Название было в духе позднего немецкого романтизма, так что мы решили, что действие будет происходить в лесу, и придумали, что там будет три персонажа — в поисках

еще кого-то. Композитор Отто Шифман появился в сюжете позже.

— В вашем фильме загадки оставлены без объяснения. Это намеренно?

— Я думаю, иногда вопрос может быть интереснее, чем ответ, как в старом хичкоковском правиле: никогда не показывать ужасное, а только намекать на него. Неопределенность ценна сама по себе. Например, мы так и не узнаем, что случилось с Шифманом. Я думаю, он отправился в то место, о котором один раз говорил Джон Леннон, — «место, из которого приходят мелодии».

— Вы упоминаете Хичкока, а какие еще режиссеры важны для вас? Я увидел связь с немецким жанром

Heimatfilm — фильмами о сельской Германии, например, Эдгаром Райтцем.

— Да, точно! Райтц был одним из главных источников вдохновения для меня — его отношение к истории и памяти, романтическая ирония. Вообще, *Heimatfilm* сейчас существует разве что на дурном телевидении, да и в свои золотые годы — после Второй мировой — он чаще всего был пошлостью. Но... все же в простоте этих фильмов, в их упорном бегстве от важных вопросов современности есть что-то, что определяет «немецкую душу», если можно так выразиться. И, конечно, они, так или иначе, остались в истории кино. Я хотел как-то обыграть его и, возможно, создать при этом нечто новое. Что касается других режиссеров, которые на меня повлияли, то я могу назвать Вернера Херцога и Пола Томаса Андерсона.

— Мне показалось, что фильм говорит о чуде настоящего искусства, увиденного людьми, не готовыми к нему. Вы согласны?

— Так и есть. «Царство птиц» иногда называют словом *Künstlerdrama*, то есть «драма о художнике», поскольку его главная тема — это творчество. Основной вопрос фильма — довольно

эзотерический, знакомый всем, кто пишет, сочиняет музыку или снимает кино: откуда приходит вдохновение? Где его искать и есть ли к нему тайный путь? И если истинное вдохновение существует, то как его удержать? Я попытался ответить на эти вопросы в конце, и ответ довольно оптимистический: мне кажется, вдохновение существует. Но что это такое — это тема для следующих фильмов.

ИНОГДА ВОПРОС МОЖЕТ БЫТЬ ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕМ ОТВЕТ, КАК В СТАРОМ ХИЧКОВСКОМ ПРАВИЛЕ: НИКОГДА НЕ ПОКАЗЫВАТЬ УЖАСНОЕ, А ТОЛЬКО НАМЕКАТЬ НА НЕГО

— А над чем вы будете работать дальше?

— Некоторые считают, что это шутка, но я всерьез собираюсь снимать продолжение. Действие будет происходить в 1962 году, то есть тридцать лет спустя. Главный герой — мальчик, который появляется в конце «Царства птиц»: он стал физиком и приезжает в Швейцарию на конгресс. А потом будет и третья часть, о девяностых. Но об этом пока еще рано рассказывать. ■

Интервью: Денис Рузаев

ВАСИЛИЙ КОРЕЦКИЙ — ОБ «ИДЕ», ФИЛЬМЕ ЗАКРЫТИЯ ФЕСТИВАЛЯ

Фильм, обошедший «Левиафана» в оscarовском соревновании, в сущности, является точным аналогом фильма Звягинцева — в польском культурно-историческом контексте, разумеется. Водка, грязь, тоска, людоедские нравы «простых людей», бездушная и бессмысленная машина бюрократического аппарата и настоящая, осознанная религиозность как единственный выход. И Холокост: Польша предстает у режиссера Павликовского не невинной жертвой, но соучастницей большой бойни. Но Павликовский далек от рассуждения о «национальном характере», его больше интересует конкретный человек — еврейка Ида, подкинутая матерью в женский монастырь и накануне пострига выходящая на прогулку в реальный мир советской Польши, чтобы пережить непосредственно опыт мирской жизни: опьянение, джаз в сельском ресторане, капли воды на грязных окнах, предательство ближних, смерть близких. Любовь. ■

МОДЕРНИЗМ ПОСЛЕ ТАРКОВСКОГО

Научную конференцию, организованную петербургским журналом о кино «Сеанс», открыло выступление Любоми Аркус. Главный редактор журнала посвятила свою речь вопросу о том, возможно ли влияние Тарковского сегодня: есть мнение, сформулированное Андреем Кончаловским, что творчество Тарковского невозможно развивать, что это «гениальный тупик».

«Возможно ли?» — на этот вопрос так или иначе пытались ответить все участники конференции. К сожалению, нельзя рассказать обо всех докладах, но постараемся упомянуть наиболее яркие. Прилетевший из Австралии искусствовед Натан Данн прочел доклад на тему «Театр скуки Тарковского» — речь шла о скуке как чувстве неудовлетворенности и желания, ощущении пустоты и искаженного восприятия времени, о скуке как понятии, враждебном капиталистическому «труду». Философ Александр Погребняк говорил о похожей ситуации, которую сформулировал в названии доклада «Счастье и отчуждение: Тарковский и после».

Что у традиции Тарковского есть подлинное, не мнимые наследники, наглядно показал культовый венгерский киновед Андраш Балинт Ковач, сконцентрировавшись

на работах Бельи Тарра — одного из самых бескомпромиссных авторов в современном европейском кино.

ЕСТЬ МНЕНИЕ, ЧТО ТВОРЧЕСТВО ТАРКОВСКОГО НЕВОЗМОЖНО РАЗВИВАТЬ, ЧТО ЭТО «ГЕНИАЛЬНЫЙ ТУПИК»

Об одержимости Тарковским другого его последователя — Ларса фон Триера — рассказал кинокритик и автор книги о Триере Антон Долин. Извинившись за ненаучный характер своего выступления, Долин прочел самый увлекательный доклад дня, в котором нашлось место как анекдоту о недовольстве Тарковского триеровским дебютом «Элемент преступления», так и размышлениям о разных подходах Триера и его кумира к эротической теме. Киновед Алексей Гусев говорил о «функции длинного плана как дифференцирующем маркере модернистской и постмодернистской киноэстетики» — проще говоря, объяснял, зачем нужны длинные планы в фильмах Тарковского и не только. В конце первого дня конференции Марина Тарковская представила свою книгу «Теперь у нас новый адрес...», и все участники поехали в Плэс.

Во второй день первыми выступили руководители «Научно-исследовательского и проектного Центра имени А. А. Тарковского» Елена Раскатова и Мария Миловзорова с совместным докладом на тему «К проблеме отношений советского зрителя и кинематографа Тарковского». Елена Михайловна и Мария Алексеевна поставили для гостей и участников конференции запись голоса Андрея Тарковского из легендарного архива режиссера, триумфально возвращенного администрацией Ивановской области на родину.

Хедлайнером второго дня конференции стал ведущий американский киновед и критик Дж. Хоберман, объяснивший, как фильмы Тарковского укладываются в теорию «тотального кино» Андре Базена, и проследивший влияние режиссера на современное кино, вплоть до мультфильмов *Pixar*. Выступивший после него кинокритик и шеф-редактор журнала «Сеанс» Василий Степанов рассказал, как руками экспериментатора Стивена Содерберга стиль Тарковского в ремейке «Соляриса» был скрещен с традицией американского научно-фантастического кино и «Космической одиссеей» Стэнли Кубрика.

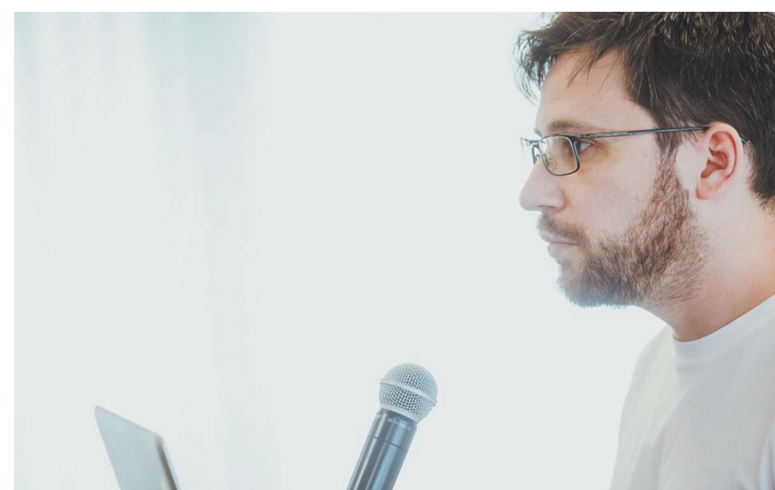
Обнаруживаются пересечения с Тарковским и Кубриком в недавнем «Интерстелларе» Кристофера Нолана. Основная мысль режиссера Александра Зельдовича шла вразрез с общим убеждением и состояла в том, что Тарковский — не модернист, а экзистенциалист, но участники сошлись на том, что об этом спорить можно бесконечно. Вообще, дискуссии разгорались нешуточные, и останавливал их только регламент выступлений.

Поэт и критик Александр Скидан говорил о «слабой мессианской силе» (термин философа Вальтера Бенямина) у Тарковского, киноматографист Кирилл Адиеков анализировал работу режиссера с актерами, а философ Йозель Регев прочел исследование, одновременно

сложное с философской точки зрения и углубленное в современный кинематограф: развивая теорию кино Жюль Делёза, к «образу-времени» и «образу-движению» французского философа Йозель Регев предложил добавить «образ-совпадение». На закрытии конференции программный директор фестиваля, кинокритик Андрей Плахов говорил о возвращении модернизма и возвращении Автора, а кроме того, представил свою новую книгу «Кино на грани нервного срыва».

«Образ-совпадение... Что ж, на этот раз, пожалуй, все совпало. ■

Елена Костылева, Денис Рузаев

Василий Степанов

РАСПИСАНИЕ НА 13 ИЮНЯ

ИВАНОВО

- 14:00** Программа российского кино «Свои» / Лодзь, зал № 2
ПОД ЭЛЕКТРИЧЕСКИМИ ОБЛАКАМИ / 16+ / Представляют режиссер Алексей Герман и художник фильма Елена Окопная
- 15:00** Программа «Фассбиндер и его время» / Лодзь, зал № 4
БЕРЛИН, ШАМИССОПЛАТЦ / 16+
- 17:00** Программа короткометражного кино «Коротко и ясно» / Лодзь, зал № 2
СЧАСТЬЕ — ЭТО... / 6+ / Представляют креативный продюсер компании Disney в России Владимир Грамматиков, актер Павел Прилучный и режиссеры альманаха
- 17:00** Программа российского кино «Свои» / Лодзь, зал № 3
КЛАСС КОРРЕКЦИИ / 16+ / Представляет актер Филипп Авдеев
- 17:30** Международный конкурс / Лодзь, зал № 4
ГДЕ-ТО ТАМ / 16+
- 19:30** Программа документального кино «Зеркало „Артдокфеста“. Отражение» / Лодзь, зал № 2
ДО СВИДАНИЯ, СИНЕФИЛЫ / 16+
- 19:30** Международный конкурс / Лодзь, зал № 4
ДАМА С СОБАКАМИ / 16+ / Представляет режиссер Лаура Ситарелья
- 21:00** Программа «Вечерняя эйфория» / Лодзь, зал № 2
ШТИЛЬ / 16+
- 21:30** Программа российского кино «Свои» / Лодзь, зал № 3
ДА И ДА / 18+
- 21:45** Международный конкурс / Лодзь, зал № 4
ЦАРСТВО ПТИЦ / 16+ / Представляют режиссер Тимм Крёгер и продюсер Виктория Штольпе

РАСПИСАНИЕ НА 14 ИЮНЯ

ИВАНОВО

- 10:00** Спецпоказ / Лодзь, зал № 2
ПОРОК СЕРДЦА / 18+ / Представляют актриса Юлия Ауг и драматург Валерий Печейкин
- 12:00** Программа российского кино «Свои» / Лодзь, зал № 2
ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ / 16+
- 13:30** Лекция от онлайн-киношколы *2morrow Film School*. Анна Котова: «Взаимодействие режиссера и актера в кино». Ангелина Никонова: «Принципы съемки малобюджетного кино. „Портрет в сумерках“. Case study» / #LOFTNIM
- 14:30** Программа российского кино «Свои» / Лодзь, зал № 2
ДУХЛЕСС-2 / 16+
- 17:00** Торжественная церемония закрытия / Ивановский музыкальный театр
ИДА / 18+ / Фильм закрытия / Вход по приглашениям

IN MEMORIAM

УТРАЧЕННЫЕ КОРНИ

13 ИЮНЯ В ИВАНОВО СОСТОИТСЯ ПОКАЗ ПОСЛЕДНЕЙ КАРТИНЫ «В ОЖИДАНИИ МОРЯ» БАХТИЁРА ХУДОЙНАЗАРОВА, КОТОРУЮ ПРЕДСТАВИТ СНЯВШИЙСЯ В НЕЙ ЕГОР БЕРОВЕВ. ПАМЯТИ РЕЖИССЕРА — АНДРЕЙ ПЛАХОВ

В его самом известном фильме «Лунный папа» восторженная девушка, мечтающая об актерской славе (Чулпан Хаматова — евразийская Одри Хепберн), забеременела в лунную ночь. Отец и брат девушки ищут по всей округе виновника этого события: им оказывается пролетающий над этими краями летчик, прикинувшийся актером. По мере поисков бытовая история становится все более возвышенной и сюрреалистичной, а в финале героиня с новорожденным в буквальном смысле возносится на небо. Худойназаров успел снять шесть фильмов. У него не было врагов, его все любили: и жены, бывшие и настоящие, и просто женщины, и коллеги. Его все нежно называли Бахтиком. Но ни в Москве, ни в Берлине, где обитал в последние годы, он не чувствовал себя своим. Утрата дома, корней ощущается даже в стиле его фильмов, постепенно уходящих от мифологизации советского космоса, часто меняющихся жанровые ориентиры и интонацию, которая колеблется в диапазоне от пафоса до стеба. Но органично вписаться в стилистику европейского маньеризма Худойназаров не смог: мешали те же корни. Его безвременный уход обозначает черту, подведенную под постсоветским кино, которое сегодня, очевидно, воспринимается как принадлежащее не современности, а истории.

#tarkovskyfest

Шеф-редактор: Елена Костылева.
Выпускающий редактор: Андрей Карташов.
Корреспондент: Денис Рузаев.

Верстка: Арина Журавлева.
Корректор: Алена Соико.
Фотографы: Юлия Майорова,
Александр Мурашкин.

СВОИ

ДА И НЕТ

КУРАТОР ПРОГРАММЫ РОССИЙСКИХ ФИЛЬМОВ «СВОИ» ЕЛЕНА СЛАТИНА ВКЛЮЧИЛА В ПРОГРАММУ ДВА ФИЛЬМА ПРО ШКОЛУ: «ДА И ДА» ВАЛЕРИИ ГАЙ ГЕРМАНИКИ И «КЛАСС КОРРЕКЦИИ» ИВАНА И. ТВЕРДОВСКОГО. И ОДИН ПРО КОРРУПЦИЮ — «ДУХЛЕСС-2».

Кадр из фильма Валерии Гай Германики «Да и да»

Одним из моих любимых фильмов в программе этого года является картина Валерии Гай Германики «Да и да». Этот фильм — рассказ про историю первой любви. Но, в отличие от предыдущих фильмов Валерии, где герои — школьники, этим, наверное, лет по двадцать. Девушка — из тех, которые, в общем, «плохие девочки» — она с черными дредами и ногтями, и ее все время несет к плохим парням — знакомится с пьяным, на полу валяющимся чуваком. Рисует себе из этого парня «таланта», «гения», «художника» — она его себе придумывает, придумывает историю, что он непонятый, гибнущий художник, и она его спасет. Это, безусловно, исповедальное высказывание Валерии Гай Германики о ее отношениях с музыкантом Глебом Самойловым (ex-«Агата Кристи»). Там сплошной мат (фильм пришлось переозвучивать перед прокатом полностью, так что он вышел еще только через год), там курят, пьют, трахаются, пьют собственную мочу. В какой-то момент герой цирроз зарабатывает, но выходит из больницы и опять начинает пить, и она все равно пытается спасти его... И думаешь: «Дура, уходи, уходи быстрее, беги от него!» Там есть эпизод, который разорвал мне сердце, — за кадром начинает играть музыка «Агаты Кристи», и она стоит, смотрит на этого героя, валяющегося на полу... Дальше — склейка: она сидит дома одна за компьютером и сжигает мосты за собой. Думаешь: «Слава богу, господи». Это история для всех девочек независимо от возраста, про девушек, раненных любовью к плохим парням.

Одним из очень важных высказываний является фильм «Класс коррекции» Ивана И. Твердовского — картина, прогремевшая уже на нескольких десятках фестивалей, снятая по известной книжке Екатерины Мурашовой, но фильм стал

более известным, чем книга. Мне кажется, это очень удачный дебют, и с профессиональной точки зрения, и как социальное высказывание, и с той точки зрения, что это кино, близкое зрителю.

Режиссер по возрасту близок к своим героям, мне кажется, эта молодость в данном случае пошла на пользу сюжету. Вообще современных фильмов про школу — как мы видим — очень мало, про подростков — Германика есть, «Однажды» Давлетьярова — но это про 70-е годы, да месхиевская «Американка». Я сама мама подростка, общаюсь с мамами подростков, и, общаясь с ними,

Кадр из фильма Ивана И. Твердовского «Класс коррекции»

я думаю, что они подростковой среды не знают в принципе, а ее важно знать. Так что взрослым людям, у которых подростки-дети, смотреть то, про что снимают Гай Германика и Твердовский, значительно важнее, чем самим подросткам.

Фильм «Пионеры-герои», еще не вышедший в прокат, — это картина о людях моего поколения, поколения последних пионеров-героев, чье «пионерство» и «комсомольство» пришлось на самый конец советской эпохи. Фильм о том, как утрачиваются иллюзии, которые питали тебя в твоей счастливой юности. Конечно, полной заблуждений. Но время юности — оно искупает все... И быстро проходит.

Я бы еще к социальным картинам отнесла, как ни странно, «Духлесс-2». От нее ждали такого яркого эртертеймента, она пиарилась как приключения парня на далеких южных островах, а оказалась неожиданным и смелым высказыванием о коррупции в стране. Это тема, которой в нашем кино мало кто касался раньше. «Духлесс-2» шел в Иваново в прокате, но если кто-то пропустил, то знайте, что там, помимо лихо закрученного сюжета и Данилы Козловского на серфе, есть еще и содержание.

СОВРЕМЕННЫХ ФИЛЬМОВ ПРО ШКОЛУ ОЧЕНЬ МАЛО

Каждый год в программе есть фильм, который наследует Тарковскому как большому автору. В этом году это, безусловно, Алексей Герман-младший с фильмом «Под электрическими облаками». Если фильмы Тарковского были поэзией, то фильмы Германа-младшего — это живопись. Это, наверное, центральная картина программы — сильное, смелое, бескомпромиссное авторское высказывание. Это такое размышление автора о самом

ближайшем будущем, в котором все люди, которым дорого что-то светлое, — настоящее искусство, ценности — будут чувствовать себя абсолютно ненужными и лишними. В центре сюжета — скелет небоскреба, который символизирует руину сознания страны. Такое вот печальное пророчество абсолютной потерянности и растерянности мыслящего человека перед реальностью жизни. Герман начинал картину шесть лет назад, и это последняя копродукция с Украиной. Начинается этот фильм так: «Сейчас 2017 год, и все мы живем в ожидании большой войны»... Режиссер на показ фильма приедет — будет, о чем поговорить. ■

Издатель: ООО «БОКОВФЭКТОРИ АРТ».
Тел: +7 (495) 626-71-93.
Адрес: г. Москва, Фрунзенская набережная,
д. 16, корп. 1.

Отпечатано в типографии «Гранат».
г. Иваново, ул. Калашникова, д. 28.
Тел: +7 (920) 670-89-82.

Тираж 10 000 экз.
Распространяется бесплатно.